

Реплика в большом разговоре

Некоторое время тому назад в коллективе Кишиневского русского театра замечалось необычное беспокойство. За кулисами не прекращались тревожные разговоры. Режиссер Р. Григорян готовил защитительную речь.

Может быть, где-то действительно замыслился козни, требующие дружного отпора? Ничего подобного, просто коллекция Министерства культуры Молдавской ССР решила обсудить спектакль «Приговор», включенный театром в программу фестивалей в честь 40-летия Октября и получивший, кстати сказать, более чем сдержанную оценку жюри.

Заседание коллегии, где обсуждали «Приговор», протекало бурно. Горючили о том, что пьеса С. Левитяной и особенно ее сценическое прочтение ушерены в идею и безукосно в художественном отношении. Большинство представителей театра во главе с директором яростно отбивались от этих обвинений. Один из ведущих актеров, В. Белов, горячо подержал критику в адрес театра. Главный режиссер Э. Венгра занял уклончивую позицию: спектакль включался в репертуар, готовился и ставился в его отсутствие... У членов коллегии тоже не оказалось единого мнения. Тогда решили вынести спор на широкое обсуждение общественности Кишинева.

Слажем сразу: широкое обсуждение не получилось. Составившись две недели спустя просматривая спектакль «Приговор» едва собрал полсотни зрителей. Тем новому обсуждению задал директор театра Д. Прилепов и артист В. Стрельбицкий. Смысл их речей сводился к пехитрой адептации: «Нас бьют. Спасите!».

Маневр удался. В течение четырех часов 19 выступавших полемизировали на поводу только что просматриваемого произведения. А результат? Отвечали, что спектакль «Приговор» и то что, хорошо, но и не так, что уж очень плохо; выразили робкую надежду, что театр извлечет для себя пользу из высказываний товарищей. На том и разошлись...

А ведь, судя по всему, у Министерства культуры было серьезное намерение разобраться в делах Кишиневского русского театра. Только в самый последний момент лояльная боязнь нарушить своим вмешательством демократичность обсуждения помешала руководителям министерства верно изложить принципиальный, давно назревший разговор о судьбе и задачах русского театра в столице Молдавской ССР.

История обсуждения спектакля «Приговор» характерна. За последние годы неоднократно на различных собраниях и в печати резко критиковалась деятельность русского театра. Отражая «критические атаки», руководители театра вырабатывали некую «методку». Прежде всего с особой страстью оспариваются несущественные детали, отходящие от неустойчивых формулировок. Сразу же подвергается сомнению личность критикующего и добросовестность его намерений. В ход пускаются тщательно подобранные похвальные отзывы прессы, выступления «друзей театра и народа» и т. п.

Большой разговор легко растекался на множество жадных речушек; речушки бесследно тонули в зыбучий песок второстепенных мелочей. Шум в конце концов затихал... И ни разу за много лет у руководителей театра не возникло желания честно проанализировать: а вдруг есть некая доля правды во всех этих критических выступлениях, часто не совсем точных, иногда не вполне квалифицированных, но неизменно производящих впечатление на толпу, что Кишиневский театр не является в Молдавии достойным полноразмерной и слабой русской театральной культуры.

Было время, когда Кишиневский русский театр по праву считался ведущим театром в Молдавии. Многочисленные успехи в своих коллег: тогда еще молодые актеры молдавского театра. Прошло 10—12 лет. Молдавская труппа прекратилась в полноценный коллектив, способный высоко держать являя советского искусства, а Кишиневский русский театр остался в лучшем случае на прежнем уровне, если не сказать больше: в идеологическом отношении театр отступил назад. Эпидемия в подборе репертуара, поразительная неадекватность к идеям и художественным качествам выпускаемых спектаклей, утрата чувства ответственности за свою работу — вот в чем главное зло.

Руководство театра весьма приблизительно и неопределенно судят о запросах зрителей. Зачастую подбор репертуара идет по следующему «принципу»: «Вы слышали, так вот пьеса идет сборы? Немедленно доставляйте ее в — в работу! Нет, пожалуй, ни одного из тех легендарных драматических полуфабрикатов, являемых обычно «классовыми» пьесами, за которых не ухватится бы Кишиневский театр с поспешностью, достойной лучшего применения: «Люська», «В сиротейшем саду», «Славные путешествия», «Отец и сын», «Сплошные неприятности». Уровень этих

спектаклей всякий раз соответствовал качеству драматургического материала.

В середине прошлого сезона спектакль «Остров Доброй Надежды» был снят с репертуара по требованию общественности на следующий же день после премьеры; театр потерял серьезное идейное поражение, но и этот фiasco умудрились расценить все же лишь как неудачный эпизод.

Увереннейший расчет на случайную удачу привел к тому, что репертуарные планы театра оказываются обычно пустой бумагой. В начале сезона объявляется список произведений, назначенных в постановке; главный режиссер или директор выступают в печати с широкообещающими статьями, а в свободную афишу попадает едва ли половинам разрабатываемых названий. Ничего повторилось то же самое: публиковались статьи к открытию сезона, была шумиха. А в действительности театр четыре первых месяца работал вообще без плана. Лишь перед новым годом, да и то по неопределенным настояниям министерства наконец-то составил репертуар. В него включили произведения, не вызывающие сомнений: «Дети солнца», «Последняя остановка», «Урелья Агост», «Дима-невидимка». Прошло не более двух недель. И вновь управление по делам искусства вынуждено улаживать очередной конфликт между директором театра и одним из режиссеров. Спорят все о том же: что ставить?

Надо отметить, что театр иной раз радует в хороших спектаклях. Такими были в разное время «Семья», «Зюкова», «Дядя Ваня», «Персональное дело», идущие сейчас «Кремлевские курянки». Думается, об этих спектаклях и, право, дилу делься: да неужто это тот же самый театр, те же самые актеры и режиссеры? Где причина обидного положения, при котором силы большого творческого коллектива, насчитывающего в своей среде немало серьезных, талантливых исполнителей, растрачиваются подчас на скороспелые однодневки?

Назначение в прошлом сезоне нового директора Д. Прилепов не прошло бесследно для Кишиневского русского театра. За это время удалось отремонтировать здание, улучшено хозяйство. Театр закончил год с превышением основных показателей производственного финансового плана. Но материальное благополучие отнюдь не сказало положительно на творческом облике театра. Скорее наоборот. Рачительный, знающий хозяйственник, Д. Прилепов медленно, но верно превращает творческое учреждение в производственное предприятие, главная цель которого, грубо говоря, «выколотить побольше денег».

Разве не прозвучала бы кошусетом попытка сравнить идейно-художественные достоинства чеховского «Дядя Ваня» и, скажем, пресловутой «Люська» или того же «Приговора»? Но вот перед нами итоги работы Кишиневского русского театра за 1956/57 г. «Люська» была показана более ста раз, «Приговор» — 56 раз, а «Дядя Ваня» лишь однажды увидел свет рампы, а потом «тихо скончался», заперозренный дирекцией в неспособности делать битковые сборы...

Касса да весьма спорные якусы администратора нередко оказываются здесь единственным мерлом целесообразности постановки той или иной пьесы. Ничто не ставит возражать против добросовестной заботы о рентабельности, о повышении сборов, о том, чтобы зал театра был всегда полон. Не всегда ведь ставится только потому, что она удобно раскодится «в параллель» или, того хуже, «в шей есть нечто явное». «С перичем»; когда театральные дяди без малейшего смущения доказывают на детях утренняя «Омут» (по роману Балзакка «Жизнь золотых») или «Мораль яни Душкы», или «Вельмииную авезду»; когда упомянутый театр, являясь на предприятя, соблазняет молодежь танцами после спектакля, это уже никак не годится.

В последнее время Кишиневский русский театр делает позавидные

усилия для расширения своей аудитории: стали регулярными выездные спектакли, нередко устраиваются приезды колхозников на спектакли в Кишине. Все это спаять же в рамках коммерческой выгоды. А, по существу, отношения театра с труженниками колхоза остаются весьма прохладными. Единственный «недоисполненный» раздел производственного плана — спектакли непосредственно в сельских клубах.

Много лет подряд общественность Молдавии справедливо сетует на профессиональные творческие коллективы за то, что они не помогают художественной самодельности. В русском театре подобными «пустяками», как выражаются некоторые, не занимаются и, судя по всему, заниматься не думают. Где, дескать, взять время для шедевта над коллективными самодельностями, которые по нынешним временам несметные количества?

Дирекция гордится тем, что в течение месяца прошлого года сыграли 394 вместо 332 плановых спектаклей. Нелегко дается творческому коллективу этот производственный показатель. Нередко ни подумать, ни исполнить лучшие творческие решения. Лишь бы успеть текст выучить. Режиссеру нередко приходится начинать работу с коллективом над новой пьесой, не имея даже двух-трех дней для подготовки. Премьера состоялась, а после нее уже никаких доработок. Спектакль закрывается до полного износа или снимается после первого же случая неполных сборов. Удивительно ли, что в репертуаре нет ни одной постановки прошлых лет?

Чисто производственный подход к созданию спектакля вынуждает театр постоянно искать творческие «параллели». При этом неизбежны уступающие компромиссы в распределении ролей, невыполнимые изольности в обращении с авторским текстом. В «Кремлевских курянках», например, начисто вымарана очень важная для понимания идеи произведения роль инженера Глаголева.

В коллективе театра нарастает справедливое чувство творческой неудовлетворенности. Очень редко здесь спектакли события, в тем более роли-события. Вчера — чуть лучше, завтра — чуть хуже, а судьба все же одна: разгуститься в повседневно гоике премьерного «конвейера». О профессиональной умее, о творческом росте, об исполнении заветной актерской мечты — сыграть любимую роль — уже, кажется, и говорить перестали. Впрочем, фигура умолчания, избранная актерами театра, имеет свои обоснование. К чему ломать копы, если к твоим словам не только не прислушиваются, но каждый раз готовы расценить их как личную обиду?

На обсуждение спектакля «Приговор» театр откликнулся весьма своеобразно: угостил зрителя очередной репертуарной новинкой — премьерой модели В. Бахнова и Я. Костюков «Сплошные неприятности». Мало сказать, что это просто плохой спектакль. В наши дни, неполненные величественными событиями, стыдно и больно видеть, как разменивается на дешевые и пошлые пустыни большой коллектив людей, претендующих на высокие явные советских артистов. Ведь не случается же, к примеру, такой случай. Против включения в репертуар «Сплошных неприятностей» решительно высказались и главный режиссер Э. Венгра, и очредной режиссер, секретарь парторганизации театра Р. Григорян. Однако «сатирический водевил» поставлен и поставлен не кем иным, как Р. Григоряном. Чем вызвана такая, мягко говоря, несправедливость взглядов?

В то же самое время пьеса «Дядя негодяй», «В поисках радости», «Обет второго разряда», единственно рекомендованные режиссером, были «зарезаны на корню» административной властью директора. Аргументация Д. Прилепова была в каждом отдельном случае до анекдотичности примитивна. Достаточно сказать, что «В поисках радости» он определил как произведение «пробочное, пропагандистское... художественно».

Спектакль «Кремлевские курянки» ныне радует директорское сердце битковыми сборами. Но ведь и ему пришло совсем недавно предоплатить яростные софитурные администрации. И тут фигурировала глубокомысленные сентенции на тему с тем, что артильде е устал от ядей, в театре он якобы хочет только отдохнуть...

Нет, нельзя считать окончательным разговор, поднятый Министерством культуры Молдавской ССР вокруг Кишиневского русского театра. Тут уже не действуют гомеопатические дозы внушений и пожеланий. Необходимо решительно устранить все, что мешает этому театру занять достойное место среди творческих учреждений республики.

И. ШВЕДОВ,
сб. корр. «Советской культуры».
КИШИНЕВ.